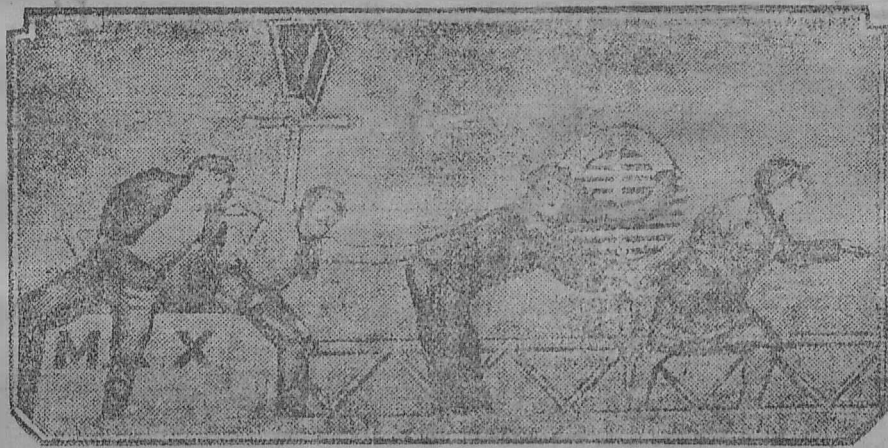

Вос. Москва — 1927 г.
ТЕАТР. КИНО

ВУЗОВСКАЯ МОЛОДЕЖЬ НА СЦЕНЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА

«ГЛЯДИ В ОБА».

Эпизод «Однажды ночью».

Бандиты — Ткаченко и Гуднов. Савелий — Ночин, Женни — Глизер.

Автор пьесы — молодой драматург Афиногенов, значительно созревший после своих социальных мелодрам «По ту сторону щели» и «На переломе», раскрывает быт современного студенчества, стараясь дать обобщенную и объективную картину этого быта. Но объективного обобщения он не достигает. Перед нами все же «частный случай» и несколько одностороннее освещение студенческой молодежи. Герой пьесы — студент, — но устанавливающейся моде многих современных пьес — опускающийся коммунист. Афиногенов соблазняет его чарами хищной буржуазки, выкрадывающей у него партийный билет. Зопин — так зовут героя — скатывается по наклонной плоскости, расходуется с беременной женой, поддельшает матрикул о сдаче минимума, крадет ботинки своего товарища, и, в конце концов, осознав безвыходность своего падения, решает кончить жизнь самоубийством, оставив своим товарищам предсмертную записку: «а я умер, все-таки не исключенным». Но и это решение — избежать исключения из партии цепой самоубийства, конечно, это чем-то убеждает зрителя. Автор, просто, прибег к наиболее легкому исходу...

Пьеса дает разнообразие и красочные роли. Афиногенову удалось вместо схем сделать реалистические образы. Досадно лишь то, что пьеса сгушает отрицательные явления. На сцене весело зубрят перед зачетами, трут друг над другом, закладывая «шурум-бурум» последние штаны, пробраются в кино залпами, поговаривают об абортах и о стилиндях, меняют свои привязанности, но живут «без руля и ветрил», беспечно и... мало содержательно. Будто пьеса рисует вузовцев какой-то другой эры русской действительности. Даже упоминания о лекции Бухарина, о Сталине, даже карта Шанхая на стене общежития — не вербуют, не рожают ощущения реальности.

Положительные типы набросаны бледно, эскизно. Над пьесой следует еще основательно поработать, материал для работы несомненно есть; вытравить ряд неприятных грубостей, резче вылить положительные типы. Мало оправданным кажется нам и финал (самоубийство Зопина).

Сценически пьеса одолана занимательно и остро. Режиссер Грипич, архитектор Буров и пролеткультовские антеры превращают пьесу в затайливый и легкий спектакль. Постановка подчеркивает природу пьесы, как социального фарса. В сценах, посвящаемых вузовцам, нам это кажется неверным. Сами по себе режиссерские приемы Грипича остроумны и интересны. Мизансцены неожиданны, методы игры своеобразны. Впервые мы можем говорить о наличии в этом театре хорошей сценической культуры.

Детали спектакля иногда блестящи.

Буров удачно сочетает в своем оформлении динамику живописных экранов с общей композицией вещей и архитектуры.

Наиболее запоминающиеся образы: Ханова — студента-мессельпромщика, и Пшеничного — поэта, «творящего на мусорном ящике».

МИКАЭЛО

СТУДЕНТЫ О ПЬЕСЕ**„ГЛЯДИ В ОБА“**

(Диспут в клубе Московского Университета).

Быть может, он не совсем был прав, режиссер Пролеткульта Лойтер, когда сказал что если бы устроить диспут о пьесе «Воздушный широт» среди хозяйственников — она бы встретила беспощадное осуждение.

Лойтер, правда, сказал это после того, как выслушал от студентов жесточайшую критику пролеткультовской постановки «Гляди в оба» — и за выбор пьесы и за ее оформление, — критику еднородную и резкую.

Но, в общем, отметая все выражения, рожденные в пылу полемической ярости, следует признать, что студенчество этим спектаклем явно не удовлетворено. И в настроении зрителей, смотревших «Гляди в оба», доминируют два ощущения: недоумение и обида.

Вот что заявляли выступавшие ораторы:

Студент № 1 (не медик-ли?): — Пьеса эта не профилактика, а прививка вредных бактерий. Мы в пьесе видим только жуликов. Где положительные черты нашей жизни?

Студент № 2: — Одно из двух — или мы не знаем нашу студенческую жизнь, или не знаем ее сами. К клевете Малашикина и Романова прибавилось еще одна!

Многие отмечали чрезвычайную схематичность пьесы, которая представляет из себя сухой сборник проблем, вместо художественного отображения новой жизни.

Представители театра говорили, что театр, собственно говоря, делал ставку на карикатуру, на изображение слякоти студенческой жизни и что театру, во всяком случае, надо поставить в заслугу то, что он первый в сценических образах затронул проблемы студенческого быта.

Но это из тех заслуг, которые под силу оценить только грядущему историку. А современник, живой студенческий современник, на диспуте волновался и... был возмущен.

Доктор КЛАУБНИ.